

Синхронизация в Биркенвальде

Метафизическая конференция

Памяти покойного отца

Действующие лица:

Бенедикт (Барух) Спиноза

Сократ

Иммануил Кант

Капо

Франц

Карл

Фриц

Эрнст

Пауль

Мать

Черный ангел

Унтершарфюрер

Место – данный театр

Время – данное представление

Пустая сцена перед занавесом. Все три философа в костюмах своего времени. Кант в парике.

СПИНОЗА (*записывая*). Секретарь – Бенедикт де Спиноза.

СОКРАТ. И точное время тоже надо указать.

КАНТ. Стоп! Я протестую! Как вы себе это представляете – точное время? Что вы имеете в виду? Среднеевропейское? Обычное? Летнее? Или еще какое? Я уже вижу, господа, что моему трансцендентальному критицизму грозит забвение...

СПИНОЗА. Извините, господин профессор, я его не забыл.

СОКРАТ. Я тоже. Пожалуйста, не обижайтесь, но я скажу, что обо мне так думать не следовало.

КАНТ. Но вы вообще знаете, что я имею в виду?

СОКРАТ. Безусловно! Пространство и время – только формы сознания.

КАНТ. Почему же вы этого не придерживаетесь, если знаете?

СОКРАТ. Но я сам – живое доказательство того, что придерживаюсь!

КАНТ. Не понимаю.

СОКРАТ. Как же! Я, живший в Древней Греции, знаю вашу «Критику чистого разума» чуть ли не наизусть!

КАНТ. Ах так? Ну-ну, хотелось бы верить.

СОКРАТ. Он, Барух Спиноза, и я – мы... как это говаривалось когда-то, когда мы еще рисковали нашей земной жизнью? – мы пребываем в «Вечности». Теперь – в вечности...

СПИНОЗА. Тонкий парадокс!

СОКРАТ. ...Потому что вечность – не что иное, как одновременность.

КАНТ. Это по Августину?

СОКРАТ. Ну, трудно сказать, у кого – от кого...

СПИНОЗА. Каждому из нас случалось заботиться о приоритете. Ну а теперь, здесь, у нас нет речи о «раньше» или «позже», нет у нас первых, нет вторых.

СОКРАТ. Ведь мы пребываем в вечности.

СПИНОЗА. Скорее, вечность пребывает с нами.

КАНТ. Ну ладно, все это не ново. Но я еще раз спрашиваю, как это пришло вам в голову – говорить о точной дате?

СОКРАТ. Но, господин профессор, как же нам добиться, чтобы люди это поняли: вечность – временность – одновременность?!

КАНТ. Вы правы...

СПИНОЗА. Да, он прав, господин профессор!

КАНТ. Пожалуйста, продолжайте протокол, господин Спиноза.

СОКРАТ. Господин профессор, я все-таки прошу слова.

Кант одобрительно кивает.

СОКРАТ (*встает, откашливается*). Господа, я должен вам сказать – так просто не может дальше продолжаться с людьми. Что-то должно произойти! Вам трудно себе представить, как сегодня живут на Земле. Вера почти мертва – всякая вера. Сегодня больше не верят даже политической пропаганде. Никто не верит другим, никто не верит самому себе. И прежде всего – никто не верит в идею!

КАНТ (*вполголоса*). Идеи только направляют.

СПИНОЗА (*вполголоса*). Первая идея – это Бог.

СОКРАТ. Не будем спорить о словах, не будем спорить о понятиях. Ведь вы же прекрасно знаете, что я имею в виду: вопрос, великий вопрос – бытие человека! Все поставлено на карту! Две мировые войны полностью разрушили мораль.

СПИНОЗА. Господин профессор, он не ошибается. Задумайтесь о последствиях. Массы не верят больше ни во что. А те немногие, которые знают, что делать, или думают, что знают, имеют теперь полную свободу действий. И они употребляют ее во зло, они дурачат людей, ведут их по ложному пути!

КАНТ. Хорошо, но что нам делать?

СОКРАТ. Помочь людям! Кто-то из нас должен сойти туда, вниз...

КАНТ. Вы оптимист! Хотите какого-нибудь мудреца туда послать?

СПИНОЗА. Его засмеют.

КАНТ. Или провидца, пророка?

Сократ пожимает плечами.

СПИНОЗА. Его запрут в сумасшедший дом. Вы плохо знаете сегодняшних людей. Сегодня – пророка! О чем вы думаете? Пророка сочтут за галлюцинацию! Не забывайте этого, Сократ!

КАНТ. Я же вам говорю – ни мудреца, ни настоящего философа в вашем, классическом смысле этого слова сегодня никто не будет слушать. Их просто не примут всерьез.

СПИНОЗА. Сократ, уверяю вас... у меня есть сведения: не верят вообще никому, ни в чем. Философ бы там пропал. Одиноки – Боже мой! – мы были в сущности когда-то все. Но сейчас... Не забывайте: правда – это то, чему меньше всего сегодня верят, это самое для них неправдоподобное. И того, кто ее выскажет, сочтут несовременным, его речи ни на кого не подействуют.

СОКРАТ. Так что же вы хотите делать?

КАНТ. Это надо по-настоящему серьезно обдумать. Что-то должно произойти. Но с чего нам начать? Как донести до людей правду? Ну, что ли, возбудить у них аппетит к правде?

СПИНОЗА. Как я понимаю, господин профессор, коллеги нашего цеха там, внизу, тратят немало усилий, чтобы разобраться, например, с материализмом. И, поверьте мне, они его и сегодня не одолели.

КАНТ. Какой же вы все-таки обозначаете год – там, внизу?

СПИНОЗА. 1946-й, как мне было сказано.

КАНТ. Скандал! Но вы всё сделали?

СОКРАТ. Мы посылали туда все, что было в нашем распоряжении, мы влияли на учебные кафедры. И мы помогали авторам серьезных работ.

КАНТ. Как? Вы их вдохновляли?

СОКРАТ. Конечно.

КАНТ. Вот это мне не по душе.

СПИНОЗА (*недовольно*). Сократ, я же вас просил при Канте молчать об этом. Вы ведь знаете, он писал о духовидцах и обо всем таком, он этого не любит.

СОКРАТ. Что делать? Мне жаль было людей.

КАНТ. Но я все-таки признаю, что вы это делали из добрых намерений.

СОКРАТ. ...И, если вы ничего не имеете против, я действительно знаю выход.

СПИНОЗА. И что это..?

СОКРАТ. Не смейтесь надо мной, но я говорил с моими современниками...

КАНТ. Вашими земляками?

СОКРАТ. Конечно.

КАНТ. И что?

СПИНОЗА. Чего вы стесняетесь?

СОКРАТ (*смущенно*). Речь идет об авторах древнегреческих трагедий.

КАНТ. И что?

СОКРАТ. Они сказали, что есть один-единственный выход...

КАНТ. Какой же?

СПИНОЗА. Да говорите же, не стесняйтесь!

СОКРАТ (*подчеркнуто*). Искусство! Они сказали, что только искусство может повлиять на людей там, внизу?

КАНТ. Не лишено интереса! Идея не-плоха!

СОКРАТ (*воодушевляясь*). Я сначала не хотел об этом говорить. Но ведь действительно, нет другого выхода, теперь я в этом убежден.

СПИНОЗА. Искусство – значит фантазии, мифы, поэмы, но отнюдь не истина... Разве мы можем участвовать в чем-то подобном?

КАНТ. Смешное возражение – не обижайтесь! То нереальное, которое искусство преподносит людям, подчас бывает ближе к истине, чем их человеческая реальность.

СПИНОЗА. Хорошо, но это приведет к вседозволенности.

СОКРАТ. Опыт истории опровергнет ваши сомнения, Барух.

КАНТ. Безусловно. Но дело в другом: как вы себе это представляете практически, Сократ? Самим нам тут устраивать театр, или вдохновить каких-нибудь драматургов, или еще черт знает что?

СПИНОЗА. Господин профессор прав. Не можем же мы тут стать артистами и что-то представлять!

СОКРАТ. Но как иначе говорить с ними? Только конкретные образы действенны.

СПИНОЗА. Прекрасно, но мы же будем смешны!

КАНТ. И кроме всего прочего мы на такое... (*тихо, значительно*) не получим разрешения.

СОКРАТ. Стоп! Это уже будет моя забота. Есть и другие – не-люди становятся людьми, чтобы помогать людям.

КАНТ. Повторяю – на это не будет согласия, вот увидите!

СОКРАТ. Но поймите же меня правильно, господин профессор! Я вначале и не думал ни о каких театральных представлениях, я полагал только, что людям нужно показать что-то такое из их собственной жизни, чтобы они сами почувствовали правду.

СПИНОЗА. Он имеет в виду просто картину из их жизни.

КАНТ. Реальную или хотя бы возможную в реальности, то есть правдоподобную историю? И к тому же с соответствующей моралью?

СОКРАТ. Конечно, с моралью. Но так, мимоходом.

СПИНОЗА. Неплохая мысль. Но при чем тут мы? Что мы сможем делать?

СОКРАТ. Комментировать!

КАНТ (*после некоторого раздумья*). И вы знаете подходящую историю?

СОКРАТ (*сияя*). Все уже готово, господин профессор!

КАНТ. И комментарий?

СОКРАТ. Будем давать его по ходу действия.

СПИНОЗА (*внезапно покачав головой*). На людей это не подействует. Знаете, что они скажут? Что здесь нарушено единство места и времени.

КАНТ. Извините, но это просто смешно. С точки зрения нашего существования в вечности единство места и времени уже не проблема, не так ли?

СПИНОЗА. Ну, тогда еще одно: мы для этого вдохновим фантазию какого-нибудь писателя или примем участие в старой постановке?

СОКРАТ. Гораздо проще. Наша пропаганда будет основана на фактах, на чистых фактах! И наши разговоры, которые мы здесь ведем, тоже будут обнародованы, и именно в театре.

КАНТ. Как это прикажете понимать?

СОКРАТ. Мы просто разыграем наш протокол на какой-нибудь земной сцене.

КАНТ. Что же, все, сказанное выше, и все, что нам еще придется сказать, превратится в спектакль, который вы намерены показать?

СОКРАТ. Да, именно это я имею в виду. Барух, как начинается протокол?

СПИНОЗА (*читает*). «Секретарь – Бенедикт де Спиноза; Сократ. И точное время тоже надо указать; Кант. Стоп! Я протестую!». И так далее, и так далее...

СОКРАТ. Прекрасно! Тогда все, что здесь говорилось до сих пор, войдет в постановку. (*Торжественно.*) И мы – сейчас – просто включаемся в спектакль «Синхронизация в Биркенвальде» на сцене театра в...

СПИНОЗА. Не годится! Там говорят по-немецки.

СОКРАТ. Ну и что?

КАНТ. Бенедикт, не забывайте, что здесь мы общаемся с помощью не слов, а мыслей.

СОКРАТ. А мысли понимает каждый. И то, о чем мы сейчас размышляем, должно дойти до каждого как на его родном языке...

КАНТ. ...Потому что это – правда.

СПИНОЗА. Понимаю...

СОКРАТ. Итак, можно начинать!

СПИНОЗА (*по-детски радостно, возбужденно*). Занавес!

КАНТ. Не забывайте, Бенедикт: мы все время на сцене, и занавес поднят. И все это время на нас смотрят и нас слушают.

СОКРАТ. Или вы все еще не уловили ситуацию, Барух?

СПИНОЗА (*немного растерян*). Как, уже?

СОКРАТ. Все еще не понимаете? Да мы попросту притворились, будто какой-то писатель использовал наши образы, а нас будто бы изображают артисты. (*Смеется.*) Ни один человек не заподозрит, что мы, так сказать, обратились в артистов и воспользовались именем автора – неплохо, да? А публика и вовсе обманута: мы заставили ее играть роль зрителей. И вот увидите: они не догадываются, что они играют, а мы – настоящие и то, что здесь разыгрывается, тоже – настоящее.

КАНТ. Нет, серьезно, Сократ, что вы задумали? Что за пьеса?

СОКРАТ. Я хочу представить людям картину ада и показать им, что и в аду человек может остаться человеком. Примерно так, как мы здесь, на небесах, – или как там называют это те, внизу, – каким-то образом остались людьми. Разве нет?

КАНТ. Безусловно, безусловно! Слава Богу!

СПИНОЗА. Слава Богу!

СОКРАТ (*тихо, Канту*). И это называется – атеист...

КАНТ (*усмехаясь*). Итак? Я готов, Сократ!

СОКРАТ (*обращаясь вверх*). Прошу, занавес между вечностью и временем!

Средний занавес поднимается. В полумраке виден запущенный, грязный барак концлагеря. Примерно в середине маленькая железная печка. Правая часть барака не видна, слева – входная дверь. Перед ней, еще левее небольшая площадка. Весь левый угол сцены ограждает колючая проволока, тянущаяся вокруг всего барака. Прямо перед зрителями – нары, слегка покрытые соломой, на них, лежа или сидя, расположились заключенные.

СПИНОЗА. Где мы?

СОКРАТ. В концлагере Биркенвальд.

КАНТ (*скорее про себя*). Жутковато...

КАПО (*входя с группой заключенных, хрипло, привычно повелительным тоном*). Значит, вот – блок 6, барак 9.

ФРАНЦ. Быстрей, Карл, нам бы занять местечко у печки!

КАРЛ (*хромая*). Подожди, я не могу так быстро. Левая нога...

ФРАНЦ. Обопрись!

КАРЛ (*опираясь*). Вот, хорошо, так дело пойдет.

Другие тоже ищут места и постепенно располагаются; капо уходит.

ФРИЦ (*Эрнсту*). Слышал, как лагерный начальник ругался, что нам в Бухенау дали только одно одеяло и что мы такие вонючие и завшивленные?

ЭРНСТ. Давай, старый оптимист, надейся, что здесь будет лучше!

ФРИЦ. Почему же обязательно нет? Скажи, разве ты не был уверен, что нас ведут в газовые камеры? А приехали в нормальный лагерь.

ЭРНСТ. Еще не вечер... Смотри, еще станешь капо, наломаешь дров... Подожди, пока все кончится – они нас всех свалят в общую кучу, вот увидишь.

ФРИЦ. Давай так: если ты сможешь мне доказать, что к этому идет, – будем разговаривать дальше, а пока ты мне этого не доказал, я веду себя так, будто я уверен, что останусь жив.

ЭРНСТ. А я не хочу надеяться до последней минуты – слишком тяжело будет разочаровываться.

ФРИЦ. А ты правда думаешь, что их не переживешь? (*Смеется.*)

ЭРНСТ. Ты еще способен шутить?

ПАУЛЬ. У меня тут в мешке были сигареты! Еще от последней премии. Куда они подевались? Кто-то опять прикарманил!

ФРИЦ. Вечно эти фокусы... Я думал, мы все тут товарищи...

КАРЛ. И кто тут украдет? Здесь ведь только земляки.

ФРАНЦ. Вспомни про Отто...

КАРЛ. Бог ты мой, он-то уже наказан.

ЭРНСТ. Тоже справедливый порядок – если кто-то схватил кусочек колбасы, должен за это идти в газ...

КАНТ (*после того, как философы, послушав, смешались с заключенными*). Пошлые люди, скажу тебе, Барух. Они воображают, что в их земном существовании должно быть какое-то соответствие между благотворительностью и благосостоянием, между нравственными заслугами и денежными заработками.

СПИНОЗА. Beatitudo ipse virtus...^[5] Только порядочный человек может быть по-настоящему счастлив.

КАНТ (*нетерпеливо*). Знаю, знаю. Но вы проецируете все в одну плоскость – вы, с вашим монизмом.

СОКРАТ. Господа, не ссорьтесь! Здесь же идет спектакль!

КАНТ. Но я спрашиваю, Сократ, почему люди еще и ничему не учатся?

СОКРАТ. Это верно. Пока они не читают философские книги, они будут оплачивать свои философские заблуждения страданием и кровью, нуждой и смертью. Но подумайте еще раз – разве мы не должны были оплачивать нашу философскую мудрость ни кровью, ни страданием, ни нуждой, ни смертью?

СПИНОЗА. Он прав, господин профессор.

КАПО (*рывком открывая дверь*). Только не вбейте себе в головы, вы, вшивые свиньи, что сегодня вам еще дадут пожрать. Наша кухня не рассчитывала на вашу вонючую банду! (*Уходит.*)

ЭРНСТ. Ну и дела! Два дня не ели, а теперь надо еще ночь проваляться, пока дождешься, чтобы утром дали полакать этой теплой мутной водички!

КАРЛ (*Францу*). Францик, Францик, я опять тебе говорю – не надо было тебе идти со мной.

ФРАНЦ. Я должен был, ты же знаешь, как это было.

КАРЛ. Да знаю я вечную твою жертвенность. Я тебе прямо скажу: это у меня уже вот где! Сначала ты мог уехать в Америку, так нет! Ты не хотел оставлять семью в беде. А результат? Чтобы спасти тебя от гестапо, сестра пожертвовала собой. А после гибели Эви от болезней и горя умер отец. Потом настала моя очередь. И теперь мама – одна. Бог знает, жива ли она?

МАТЬ (*маленькая, скромная, печально озабоченная, появляясь справа, откуда не видно никаких подходов к бараку*). А, вот они здесь! (*Остается вблизи сыновей.*)

КАРЛ. Жертва за жертвой – и ни к чему это не приводит.

ФРАНЦ. Не говори так, Карл. Ты не хуже меня знаешь, что эта дерьмовая жизнь не имела бы смысла и не стоило бы за нее держаться, если бы мы не были готовы в любой момент отшвырнуть ее ради чего-то другого.

КАРЛ. Что-то другое... Но что? Что?

ФРАНЦ. Называй как хочешь, но ты знаешь это так же хорошо, как и я. По крайней мере мы об этом догадываемся.

КАРЛ. Всему есть предел. Ты не должен вот так швыряться своей жизнью.

ФРАНЦ. Почему нет, если это имеет смысл?

КАРЛ. Что ты называешь смыслом? Что в конце концов мы все погибнем?

ФРАНЦ. Может быть, и это. Дерьмовая жизнь во всяком случае бессмысленна, если еще и цепляться за это дерьмо. Кто не готов пожертвовать своей жизнью, тот просто существует, пока не подойдет. А для того, кто готов бросить такую жизнь к чертям, и смерть может иметь смысл.

В этом я убежден. И я никогда не стал бы об этом говорить, если бы мы не сидели здесь.

КАНТ. Вот это прекрасно! Вы слышали, господа?

СПИНОЗА. Откровенно говоря, я им не верю.

СОКРАТ. Может быть, все еще изменится к лучшему.

МАТЬ (*робко подходя к философам*). Прошу вас, господа, не сердитесь на меня, но это – двое моих сыновей, это – последнее, что у меня было. Ну скажите, разве они не замечательные? Разве не славные ребята? Франц мог уехать в Америку еще вовремя, понимаете? Но он остался с нами, со мной и с отцом. Мы так просили его уехать, а он говорит: «Мне и здесь неплохо». Как будто мы не догадываемся, что он не хочет нас оставить...

КАНТ (*успокаивая*). Мы как раз сейчас говорили, что ваш сын Франц – очень способный юноша.

СПИНОЗА. По-настоящему хороший человек.

СОКРАТ. Утешьтесь, сударыня, мы позаботимся о ваших сыновьях.

МАТЬ (*кланяется*). Я очень вам благодарна, господа. С кем я имею честь?

КАНТ. Сударыня, вы нас, наверное, знаете, однако забудьте. Мы неохотно называем свои имена.

МАТЬ. Извините, извините! Я только хотела... я думала... вы могли бы замолвить за меня словечко...

СПИНОЗА. Что? И зачем, кому?

МАТЬ. Я так тоскую о сыновьях. А здесь они так страдают, я знаю, я вижу – страдают! И я подумала: я подам заявление, чтобы их отправили ко мне.

КАНТ. Это невозможно, сударыня.

СПИНОЗА (*тихо Канту*). А может быть, попытаться, господин профессор?

СОКРАТ. Лучше не стоит, Барух. Не будем в это вмешиваться. Давайте иначе.

(*Матери.*) Помогайте вашим сыновьям, а мы обещаем, что сделаем все, что сможем.

МАТЬ. Спасибо господа, большое спасибо! Бог вас вознаградит! И поверьте мне, они того стоят! Смотрите, вот (*неловкими движениями вытаскивает из сумки письма и маленькие пакеты*) – все это я получила от них.

СПИНОЗА. Как так? Ведь оттуда, из лагеря, нельзя писать, нельзя ничего посылать?

КАНТ. Так что же это?

СОКРАТ (*вглядываясь ближе*). О! Разве вы все еще не понимаете? Это мысли сыновей о матери, это их молитвы за нее. Вот это я называю – дары, подарки...

МАТЬ (*гордо*). Прекрасные подарки, не правда ли? Так много писем, почти ежедневно, и что ни день – то пакет... Как же не гордиться ими? И разве они не стоят того, чтобы о них печалиться и заботиться?

КАНТ. Вы правы.

СПИНОЗА. Конечно!

Сократ возвращает матери письма.

КАНТ (*философам*). Да, знали бы люди, что все имеет свое значение и что значение это больше, чем то, к чему оно относится...

СПИНОЗА. Учитель, представьте, что сказали бы люди, если бы они это знали, как бы они удивились! А как бы были изумлены философы, если бы знали, что каждая их работа, в которой они ссылаются на вас, господин профессор, моментально...

СОКРАТ. Вы, вероятно, имеете в виду – вечно?

СПИНОЗА. Да – вечно – взлетает на ваш здешний вечный письменный стол в виде отдельного оттиска.

СОКРАТ. И как бы они были изумлены, если бы знали, что их великие мысли, даже не опубликованные, даже еще не высказанные – если это, конечно, великие мысли, – уже давно опубликованы здесь и ждут, когда их гонимый автор прибудет снизу, чтобы встретиться с ними.

КАНТ. Но почему вы думаете только о нашем цехе? Почему не о других – художниках, музыкантах? Разве вы не помните то мгновение – вечное мгновение, – когда Шуберт со слезами на глазах буквально ворвался к нам – и собственноручно получил здесь партитуру своей Симфонии си-минор, теперь уже «завершенной»?..

СОКРАТ. А помните, учитель, о чем тогда говорили? Бесконечные похвалы...

СПИНОЗА. И все время – музыка в си-миноре.

КАНТ. Да, да, знали бы люди...

КАРЛ. ...Жива ли еще мама?

ФРАНЦ (*вполголоса*). Мама, жива ли ты, мама, ты жива? Скажи, мама, ты жива?

КАРЛ. О чем ты думаешь? Чего молчишь? Что ты тихий такой?

ФРАНЦ (*все так же тихо, задумчиво*). Скажи, мама, ты жива?

КАРЛ (*нетерпеливо*). Ну ответь же, Франц!

МАТЬ (*приближаясь*). Я не могу тебе этого сказать, Францик. Я не должна этого говорить. Но какая разница? (*Настойчиво, убеждающе*.) Но какая разница? Разве я не с тобой – так или иначе? Все равно с тобой!

ФРАНЦ (*обращаясь к ней*). Мама, скажи, ты жива?

КАРЛ. Ну, скажи же, наконец, хоть слово! Мне просто страшно. Скажи, ты что-то замышляешь?

ФРАНЦ (*испуганно*). Что ты говоришь? Нет, я просто думал о чем-то. Ладно, оставим это...

МАТЬ (*философам*). Вы слышали? Он думает обо мне. Беспреданно думает обо мне!

СПИНОЗА. Да.

МАТЬ. Но он сомневается, он все время сомневается. Что сделать, чтобы он так не мучился сомнениями?

КАНТ. Вы ничего не можете сделать. Подождите – и пусть он подождет.

МАТЬ. Но я бы так хотела ему помочь...

СОКРАТ. Вы ничего не можете для него сделать.

МАТЬ. И они оба такие голодные...

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ (*появляясь, как и мать, справа; философам*). Какое невезенье! И надо же, чтобы это случилось со мной!

КАНТ. Что такое?

СОКРАТ. Что опять случилось?

СПИНОЗА. У вас вечно что-то случается.

АНГЕЛ. Я должен спуститься вниз – туда, к ним.

КАНТ. Но зачем?

АНГЕЛ. Женщина подала заявление. Она хочет, чтобы сыновья были с ней.

СПИНОЗА. И что?

АНГЕЛ. Я должен туда, испытать их.

КАНТ. Вот так, в таком виде?

АНГЕЛ. О чем вы?

СОКРАТ. Переодетым, инкогнито?

АНГЕЛ. Конечно.

СПИНОЗА. И как что? Как кто?

АНГЕЛ. Как эсэсовец.

КАНТ. Забавно!

АНГЕЛ. Но не для меня! Надо же, чтобы со мной это случилось – как эсэсовец!

СПИНОЗА. И что же, собственно, произойдет?

СОКРАТ. Вы же слышали, Барух: он идет испытать их.

АНГЕЛ. Я должен их истязать. Истязать – до крови. Тогда видно будет, что они там такое.

(Исчезает направо, и в ту же минуту слева в барак входит, рывком открыв дверь, эсэсовец.)

ПАУЛЬ *(вскочив по стойке смирно)*. Господин унтершарфюрер! Заключенный 97 126 докладывает: 16 заключенных из нового эшелона доставлены в блок 6, барак 9.

УНТЕРШАРФЮРЕР. Номер 118 163!

КАРЛ *(вскакивает)*. Здесь!

УНТЕРШАРФЮРЕР. Пошли, свинья!

КАРЛ *(поспешно, тихо)*. Пока, Францик! Держись!

(Уходит с эсэсовцем.)

МАТЬ *(испуганно)*. Что они с ним сделают?

КАНТ. Не бойтесь, сударыня *(значительно)*, это для него к лучшему.

МАТЬ *(в тревоге)*. Он будет его допрашивать, он хочет из него что-то вытянуть. Его будут мучить, моего Карла!

СПИНОЗА. Вы разве не видели? Ведь перед ним был ангел. Вашего сына только испытают.

МАТЬ *(в тоске)*. Зачем испытывать, я же за него ручаюсь!

СОКРАТ. От вас ничего не зависит – как и от нас всех.

МАТЬ. Вы в самом деле думаете, что это для него к лучшему?

КАНТ. Да, так он быстрее будет с вами.

МАТЬ. Но ему будет больно...

СПИНОЗА. Что такое боль...

СОКРАТ. ...Разве вы не понимаете?

МАТЬ. Это вы можете обсуждать между собой. Но матери вы не должны так говорить. Ни одной матери.

(Опечаленная, присаживается возле Франца.)

ФРАНЦ (вполголоса). Мама, помоги ему! Мама, поддержи его!

МАТЬ. Он в хороших руках, дитя мое. Не беспокойся о нем.

ФРАНЦ (пристально глядя). Мама, поддержи его!

ПАУЛЬ (присаживаясь возле Франца с другой стороны). Что ты такой молчаливый?

ФРАНЦ (испуганно). А чего ты хочешь?

ПАУЛЬ (с любопытством). Что там такое с твоим братом? Наверно, это фокус со списком на отправку?

ФРАНЦ. Наверное.

ПАУЛЬ. И зачем вам это было нужно? Взять чужой номер, чужое имя – пустяк, что ли? Что еще из этого может выйти...

ФРАНЦ. Нам хотелось быть вместе. А этот маленький чех так хотел остаться в Бухенау! У него там связи со старостой, тот ему каждый день приносил миску экстра-супа. Шутка ли, лишняя миска супа – это ведь жизнь! Он верил, что пока будет получать этот суп – будет жив.

ПАУЛЬ. Ну и как было дело? Он угодил в список?

ФРАНЦ. Да. И предложил Карлу поменяться с ним номером и фамилией. Так брат оказался вместе со мной, а чех остался при своем старосте и своем супе.

ПАУЛЬ. Знаешь, чем это может кончиться?

ФРАНЦ. Староста все знал и согласился.

ПАУЛЬ. Ну и что? Если твой брат признается, будете все четверо торчать в дерьме.

ФРАНЦ. Мне уже ничего не страшно.

ПАУЛЬ. Зачем тебе этот героизм? Что, дома тебя никто не ждет?

ФРАНЦ (снова погружаясь в себя). Мама, жива ли ты?

МАТЬ. Я с тобой, сынок, я с тобой! Поверь же мне, наконец.

ФРАНЦ (тихо бормочет). Мама! Если бы я только знал, жива ли она!

ПАУЛЬ. Чего задумался, ты, тихий дурень! Выше голову! Мы еще посмотрим!

ФРАНЦ. Да, мы еще посмотрим.

УНТЕРШАРФЮРЕР (вталкивая Карла в барак). Ну ты, задница! Теперь можешь подумать, кто ты такой – тот или этот! Через пять минут я вернусь и снова заберу эту птичку, посмотрим, научилась ли она чирикать.

(Уходит.)

СПИНОЗА. Нет, вы видели, господа? Он же ведет себя, как стопроцентный эсэсовец!

КАНТ. Таков он и есть.

СПИНОЗА. Но он ведь ангел!

КАНТ. Да, но как только становится эсэсовцем и до тех пор, пока им остается, он об этом представления не имеет.

СПИНОЗА. Не понимаю. (Наивно.) Этот эсэсовец должен ведь заметить – как это он вдруг появился... точно с неба упал, без прошлого, без собственной биографии... Это же должно его, наконец, удивить!

КАНТ. О, святая простота! Бенедикт, не забываетесь же настолько! (Нетерпеливо, поучающе.) Он послан отсюда, но, с их точки зрения, он уже давно там, столько-то и столько-то лет, у него есть там свое прошлое, своя биография, есть родители и родители родителей, есть жена и дети.

СОКРАТ. Мы не стоим с ними на одном уровне – ни в пространстве, ни во времени. Это же наш трюк, что мы с ними рядом, наш театральный трюк!

СПИНОЗА. Но вы же говорили, что все это действительно, действительно самой действительности: что это правда, а не только сплошной театр!

КАНТ. Все есть театр, и ничто не есть театр. Мы – определенные фигуры, что здесь, что там. То на фоне сцены, то на трансцендентальном фоне. Но в любом случае это – игра.

СОКРАТ. Но мы не очень-то знаем, что мы играем. И не очень знаем, что мы играем. Мы лишь неточно знаем наши роли. И радуемся, когда угадываем текст, который нам надо произносить.

КАНТ. И внимаем, как можем, суфлеру – голосу совести.

МАТЬ (*подходя ближе и услышав последнюю часть разговора, со всей наивностью*). И для кого же мы играем, господа? Пожалуйста, скажите!

СПИНОЗА. Для простодушной театральной публики, такой простодушной, что она думает, будто мы играем.

СОКРАТ. А между тем играют они – играют зрителей.

КАНТ. Да, они всегда играют. Разыгрывают друг перед другом свои роли, играют для самих себя.

МАТЬ (*прямолинейно*). Но для кого же мы все играем? Должно же что-то быть – должен кто-то быть, кто на нас смотрит, откуда-то...

КАНТ. Вы первый раз стоите на сцене, сударыня?

МАТЬ. Да, сударь.

КАНТ. Тогда скажите, что вы видите – там? (*Показывает на зрительный зал.*)

МАТЬ (*щурясь*). Ничего не вижу, лампы меня слепят. Вижу только большую черную дыру.

КАНТ. А если я вам скажу, что зритель все же есть?

МАТЬ (*доверчиво смотрит на него*). Ну, тогда я вам поверю.

КАНТ. Да (*твердо*), вы должны в это верить, потому что знать этого мы не можем. Мы его не знаем – великого зрителя спектаклей нашей жизни. Он сидит, в темноте, где-то там – в ложе. (*Указующий жест.*) Но он смотрит на нас внимательно, поверьте, сударыня!

СПИНОЗА. Верьте ему!

СОКРАТ. Верьте нам!

МАТЬ (*твердо*). Да, верю!

ФРАНЦ. И что ты будешь делать?

КАРЛ (*походя*). Я, разумеется, буду молчать.

ФРАНЦ. Тогда прощайся со мной. На-всегда.

КАРЛ (*мягко*). Ах ты, чертяка, ну что же мне делать? Почему я не могу один раз поступить в твоём духе? Сегодня я хочу жертвовать, сегодня я хочу наполнить смыслом свою жизнь, по твоей теории, – и свою смерть!

ФРАНЦ. Не говори так, Карл, мне больно это слышать.

КАРЛ (*все жарче*). С каких пор это – аргумент? Ты, старик, прекрасный брат. (*Кладет руку ему на плечо.*) Разве не ты все время твердил, что страдание – это тоже жизнь, что страдание тоже имеет смысл?

ФРАНЦ. Так оно и есть, но когда доходит вот до такого, человек находится во всем этом, и он должен стараться – когда надо как-то сохранить себя...

КАРЛ. ...Вот тогда это и становится верным! Не в разговорах, а в деле – вот тогда это становится истиной. Ну, что, плохо я у тебя выучился?

ФРАНЦ. Карл, милый.

КАРЛ. Ах ты, старый чертяка!

ПАУЛЬ. Внимание!

УНТЕРШАРФЮРЕР (*снова появляется слева*). Выходи, где ты там, свинья вонючая!

КАРЛ. Я здесь. (*Францу, твердо.*) Я это сохраню, я сохраню себя, я выдержу это испытание!

Франц молча отпускает его руку.

Унтершарфюрер уходит с Карлом.

МАТЬ (*философам, испуганно*). Господа, теперь его снова будут испытывать?

КАНТ. Да, будут...

ПАУЛЬ (*медленно, Францу*). Дело далеко зашло, да?

ФРАНЦ. Да, но он выстоит. Он так сказал, он дал себе слово.

ПАУЛЬ. Вообще он славный парень, все при нем. Таким братом можно гордиться.

ФРАНЦ. Он совсем не такой, как я. Я говорю – он действует.

СПИНОЗА (*взволнованно, глядя вдаль направо*). Смотрите, господин профессор! Он сбил его с ног!

КАНТ. Я плохо вижу. Кто, ангел?

СОКРАТ. Да, ангел.

СПИНОЗА. Парень не может подняться, он весь в крови.

СОКРАТ. Но он молчит.

КАНТ. Как? Он не выдал? Несмотря на это избиение?

СОКРАТ. Нет, он молчит. Какой стойкий!

СПИНОЗА (*крайне возбужденно*). Смотрите, он мучается, он, наверно, ужасно мучается! Если бы я мог ему помочь! Ах, ну что я такое после этого! Я писал, но это не читали, не понимали. Я ведь их призывал, я говорил: «*Affectus desinit esse passio...* Жизнь перестает быть страданием...». Но люди не услышали, как им быть со всем этим!

КАНТ (*взволнованно*). Он должен оставаться стойким. Если бы я мог внушить ему мой категорический императив: человек, действуй так, будто...

СОКРАТ (*грустно*). Он вас не понимает. (*Подчеркнуто.*) Надо говорить человеческим языком, а не философским.

СПИНОЗА. Что значит – человеческим? Каждую пару лет нас переводят на все мыслимые человеческие языки.

СОКРАТ. Что вы вообще хотите? Никто нас не понимает – разве что дойдет до этого сам. Никто не поймет то, что мы говорили или писали, пока не начнет мыслить самостоятельно, пока самостоятельно не откроет все это и не пробудится. А разве с нами было иначе? Нам необходимо было действовать, воплощать то, о чем мы думали. Пока мы не действовали, мы не проникали в самую суть и не влияли ни на кого. Со мной, во всяком случае, было так. Меня слышали не благодаря моим речам, меня слышали лишь благодаря моей смерти...

СПИНОЗА. Смотрите туда! Он все еще ничего не говорит. Он, кажется, теряет сознание.

КАНТ (*оживленно*). Господа, это случай для моего семинара, я должен его продемонстрировать!

СПИНОЗА. Что за семинар?

КАНТ. Для самоубийц. Я читаю им курс о смысле бытия.

СПИНОЗА. И что с ними бывает потом, когда они прослушают курс?

КАНТ. Тогда их опять сажают в эшелоны.

СПИНОЗА. В какие эшелоны?

КАНТ. Идущие в КЛ ПССЗ, как горько шутят эти несчастные черти.

СПИНОЗА. Вы хотите сказать: эти нерожденные – снова к рождающим?

КАНТ. Да.

СПИНОЗА. А что подразумевается под этими буквами?

КАНТ. Концлагерь Планета Солнечной системы Земля.

СПИНОЗА. Действительно, несчастные черти, кто должен снова возвращаться туда.

КАНТ. Вы бы видели, как они пытаются спрятаться, когда начинают формировать такой эшелон. Ни одного ангела не вдохновила бы подобная миссия. (*Смеется.*) Но чему суждено быть – то должно быть. И что должно стать – должно стать и снова родиться.

СОКРАТ. И что вы сейчас хотите делать?

КАНТ. Я бы хотел переместить сцену.

СПИНОЗА. Вы хотите продолжить ее в семинаре?

КАНТ. Да, но надо еще подождать. Сначала он должен действительно окончательно выдержать это испытание.

СОКРАТ. Так посмотрите же туда – он больше не шевелится!

СПИНОЗА. И эсэсовец наступил на него сапогом!

КАНТ. Если бы только этот бедный парень узнал от ангела, что ему делать...

СПИНОЗА. Нет, юноша этого не выдержит, он проговорится в конце концов. Спорим, господин профессор?

КАНТ. Я не буду спорю, но я прав. Посмотрите сами, как он борется, борется с самим собой. Но уже недолго. Смотрите же, разве он не прекрасен? «Держит удар», как говорят боксеры.

СОКРАТ (*вскрикивает*). Вот! (*Тихо.*) Ну, теперь все. Юноша умер.

КАНТ (*торжествующе*). Видите, Барух! Выдержал!

СПИНОЗА. Вы действительно оказались правы. Случай как раз для вас.

КАНТ (*деловито*). Он мне действительно необходим для семинара. Никто не верит мне, что человек может быть сильнее своей природы, что он способен одолеть ее. Меня повсюду называют идеалистом, чуть ли не основоположником идеализма. Но я реалист, господа, поверьте, – вы ведь только что это видели.

СОКРАТ. Мы по существу все одного мнения. Если бы так было и у людей!

СПИНОЗА. Если бы каждый стремился к благу, он бы стал благим. Однако люди не ждут ничего ни друг от друга, ни от самих себя. И ничего от себя не требуют.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ (*справа*). Ну, готово! Такие вот дела... (*Жалобно.*) Надо же, чтобы со мной такое случилось!

СПИНОЗА (*простодушно*). А где же остался эсэсовец?

АНГЕЛ. Кого вы имеете в виду?

СОКРАТ (*нетерпеливо, извиняющимся тоном*). Он имеет в виду вашу земную оболочку.

КАНТ. Ну, тот живет дальше своей жизнью, Барух. В земном времени он должен существовать до своего конца, до того дня, когда его постигнет справедливая судьба, до дня искупления.

АНГЕЛ. Я ведь должен опять сейчас возвращаться – в него. Я только хотел спросить – что вы на это скажете? Просто здорово, что за юноша!

(Уходит направо.)

КАНТ. Действительно.

СОКРАТ. А вот и он.

СПИНОЗА. Тот, который умер?

КАНТ. Конечно.

МАТЬ. Карл!

КАРЛ. Мама!

Обнимаются.

МАТЬ. Пойдем к Францику!

(Пододвигается ближе к Францу.)

ФРАНЦ (Паулю). Он не вернется, вот увидишь...

ПАУЛЬ. Я уже и сам готов в это поверить.

ФРАНЦ. Я теперь, быть может, совсем один во всем мире.

МАТЬ. Мы теперь с тобой, Францик!

КАРЛ. Мы с мамой теперь возле тебя.

ФРАНЦ. Бог знает...

ПАУЛЬ. А тут еще этот голод.

ФРАНЦ. Идем, у меня тут немного соли *(Лезет в карман.)*, пососи...

ПАУЛЬ. Спасибо, но потом ведь пить захочется.

ФРАНЦ. Жажда – голод, голод – жажда: по крайней мере разнообразие, верно?

ПАУЛЬ. Правда. Давай сюда. *(Сосет.)* Прекрасный парень твой брат! Он у меня из головы не выходит.

ФРАНЦ. И надо же, что взяли его – почему именно его? Почему опять не того? Господи, ты же знаешь, что я хуже!

ПАУЛЬ. Не болтай глупостей! Ты один из самых лучших у нас, ты мой самый лучший товарищ из всех, кто здесь есть.

ФРАНЦ. Ты не знаешь всего обо мне, ты так мало меня знаешь.

ПАУЛЬ. Ну ладно, ты что – убийца?

ФРАНЦ. Ты будешь смеяться – и это тоже.

ПАУЛЬ. Мне кажется, ты из-за этого несчастья тронулся...

ФРАНЦ. Ты знал Феликса, там, в лагере Бухенау?

ПАУЛЬ. Да, ну и что?

ФРАНЦ. А узнаешь пальто, которое на мне?

ПАУЛЬ. Кажется, это его.

ФРАНЦ. Да, я купил у него это пальто за порцию хлеба.

ПАУЛЬ. У него все равно бы это пальто отняли, он же попал в лагерь для больных.

ФРАНЦ. Скорее всего, отняли бы и пальто, и ботинки. Но как знать наверняка? Вдруг пальто бы случайно осталось? Вдруг это спасло бы ему жизнь?

ПАУЛЬ. Да поверь мне, тот эшелон пошел в газ. Там же были одни доходяги, никто не мог работать.

ФРАНЦ *(упрямо)*. Как бы там ни было, я воспользовался его голодом и этим сэкономленным куском хлеба. А если бы эшелон не пошел в газ? А если бы Феликс поправился, тогда бы он замерз, ведь мое пальто, которое я ему дал, совсем легкое...

ПАУЛЬ. Если бы, если бы... Если б на другой манер, я бы был миллионер... А ты такой же убийца, какой я миллионер!

ФРАНЦ. Не надо так говорить. И не надо так поступать, как я поступил. Ведь главное не результат...

КАНТ. В чем-то он, конечно, прав.

СПИНОЗА. Я бы тоже не сделал того, что он сделал.

СОКРАТ. Чего вы хотите? Он по крайней мере это понял.

СПИНОЗА. Слишком поздно.

КАНТ. Больше он уже, конечно, так не поступит.

ПАУЛЬ. Никто из нас не ангел.

ФРАНЦ. Но мы должны всегда сами решать, всегда заново, каждый раз, в каждое мгновение! Потому что ведь никто из нас не дьявол с самого начала, даже эсэсовцы, поверь.

ПАУЛЬ. Вот теперь ты совсем спятил! Эта собака, у которой, наверно, сейчас на совести твой брат, – и этот уже не дьявол?

ФРАНЦ. Возможно, что и нет...

СПИНОЗА. Спорим, он близок к тому, чтобы разгадать нашу игру, он ее провидит!

КАНТ. Ангела не провидит никто.

СОКРАТ. Когда я там, внизу, уже давно готов был встретиться с судьбой, один старый еврей рассказал мне любопытную еврейскую легенду. Положение дел в мире зависит от того, живут ли в нем постоянно тридцать шесть праведников. Причем никому не известно, кто они. И если кого-то опознают, он немедленно исчезает.

СПИНОЗА. Я знаю эту легенду.

КАНТ. Видите, о чем бы мы ни говорили, у нас всегда найдутся предшественники.

СОКРАТ. Если бы их не было, это говорило бы не в нашу пользу!

ЭРНСТ (*находившийся раньше позади барака, он входит вглубь и говорит с иронией*). Мой стиль! Полчаса я исхитрялся достать из-за колючей проволоки картофелину, и наконец-то она – моя! Кому бы ее пожертвовать?

ПАУЛЬ. Дай сюда, ты, чокнутый! Франц умирает от голода.

ЭРНСТ (*с шутивым поклоном*). Кушать подано! Она превратилась в камень. Возьми, Франц, и заткни им глотку убийце твоего брата!

ПАУЛЬ. Оставь его в покое!

ФРАНЦ (*задумчиво*). В покое... Карл уже добился своего покоя, а я – нет, еще долго – нет. И не найду покоя, пока...

ПАУЛЬ. Дурачина, уж лучше выскажи свои сумасшедшие мысли.

ФРАНЦ. Ну что ты знаешь? Я – дерьмо, не больше, чем дерьмо.

ПАУЛЬ. Ты достаточно жертвовал ради других. Я знаю, я слышал.

ФРАНЦ. Я хотел... О да, я хотел многого! Когда-то я подолгу думал о заключенных в концлагерь, и однажды мне приснилось, будто кто-то или что-то спрашивает меня, хочу ли я добровольно отправиться туда, чтобы им помочь. И видит Бог, я никогда не был так счастлив, как в ту минуту, во сне, когда я сказал «да». И мне снилось, что я уже там, что бреду вместе с ними по какой-то бесконечной дороге вдоль колючей проволоки... А когда через несколько месяцев я действительно попал туда, тогда я понял, что я – несчастный слабак, ни на йоту не лучше других, даже этих капо, этих эсэсовцев...

ПАУЛЬ. А кто вообще вправе сказать, что он лучше других? Кто точно знает, что он хуже?

ФРАНЦ. Смотри, вот моя сестра была совсем другая. Ей дали шанс освободиться из тюрьмы – только надо было симулировать кровохарканье. Она уже проколола себе руку, она плевала в платок и втирала кровь, она научилась хрипло дышать – и от всего этого отказалась. Она просто не смогла – так она сказала.

ПАУЛЬ. Ну и дура!

ФРАНЦ. Нельзя рубить с плеча. Не все так просто.

СПИНОЗА. Что скажете об этом, господин профессор?

КАНТ. Не провоцируйте мой ригоризм – он и без того многим портил кровь.

СОКРАТ. А юноша прав! Все не так просто.

ФРАНЦ. Но я все-таки еще не сдаюсь. Еще нет. Я и теперь, в лагере, кое о чем мечтаю. О чем-то другом. О том, что я буду делать потом, когда выйду отсюда – если выйду...

ПАУЛЬ. И что же ты имеешь в виду, позволь узнать?

ФРАНЦ. Я достану себе автомобиль...

ПАУЛЬ. Да, я об этом тоже мечтаю.

ФРАНЦ. И сейчас же, в первые же дни, поеду по улицам – по моему списку.

ПАУЛЬ. И что это за новая идея?

ФРАНЦ. Да, мысленно я уже давно сделал список тех, кого могут схватить за шиворот в первый момент, не разобравшись, в горячке ненависти... Я ее предвижу, эту ненависть, эту жажду мести. Схватят и тех, кто втайне делал что-то доброе. Я же знаю и тех, кто носит эту ненавистную нам форму, но под ней сохранил сердце! Поверь, кто-то из них вопреки всему остался человеком и делает, что может, только мало кто об этом знает. И те немногие, кто знает, должны о них позаботиться. Белый список, вот что это! Я должен буду спешить, я должен их спасти!

ПАУЛЬ. Ты дурак – и опасный дурак! Я просто удивлен. Знаешь, кто ты? Изменник, да, изменник!

ФРАНЦ (*ласково улыбаясь*). Изменник? Кому, чему я изменил?

ПАУЛЬ. Нам, нам всем, кто здесь страдает, – страдает из-за тех, кому ты собрался еще помогать!

ФРАНЦ. Я не изменник. Я не предал никого и ничего. А прежде всего я не предал человечность.

ПАУЛЬ. И это ты называешь человечностью? Позволить этому сброду, этим преступникам уйти от справедливого возмездия?

ФРАНЦ. Справедливого... Что ты называешь справедливым? Ненавистью отвечать на ненависть? Несправедливостью на несправедливость? Чтобы мы делали то же, что они? Чтобы мы обращались с ними так же, как они с нами? Это – не справедливость. Это увековечит бесправие.

ПАУЛЬ. Око за око, зуб за зуб... Ты забываешь это.

ФРАНЦ. Только не ссылайся на Библию! Тебе очень легко понять ее превратно. Да и знаешь ли ты ее по-настоящему? Проверить тебя? Тогда скажи, зачем Господь наложил печать на Каина, убийцу Авеля?

ПАУЛЬ. Ясно, зачем. Чтобы его всюду узнавали, чтобы опасались его, вели себя с ним соответственно.

ФРАНЦ. Неверно! Этот знак, эта печать должна была как раз охранять Каина, чтобы с ним ничего не случилось, чтобы его не наказывали больше, потому что он уже наказан Господом. Понимаешь? Подумай, что бы случилось, если бы было иначе. Убийства бы просто не прекращались, потому что одно влекло бы за собой другое, одна несправедливость тянула бы за собой другую. Нет! В конце концов, цепь зла должна быть разорвана! Мы не хотим снова и снова платить за ненависть – ненавистью, за насилие –

насилием! Это цепь, Пауль, пойми, цепь – вот что это! Ее нужно наконец разорвать...
(Оседает на нары.)

ПАУЛЬ. Тебе плохо?

ФРАНЦ. Да, немного.

ПАУЛЬ. Покажись-ка. Какой ты бледный! Полежи, я тебя оставлю в покое, но если тебе что-нибудь понадобится, позови меня. Надо взглянуть на Эрнста – что-то с ним неладно.

ФРАНЦ. Да, да.

ПАУЛЬ. Эрнст, как дела?

ЭРНСТ (слегка косноязычно, заплетающимся языком ослабевшего от голода человека). Спасибо, плохо. (Деловито.) Завтра можете меня уже списать.

ПАУЛЬ (с деланной бодростью). Глупый ты! Со мной часто случалось такое, как с тобой сейчас, и ничего.

ЭРНСТ. Я сказал, что сказал, и что я знаю, то знаю. Но подумай, смешно все-таки. Сегодня я здесь, а завтра – меня нет. А где же я завтра?

СПИНОЗА. До тех пор, пока они будут под «где» понимать какое-то место в трехмерном пространстве, они не поумнеют и им нельзя будет помочь.

КАНТ. А я думаю, для них лучше знать не всё. Если бы они всё знали – не решались бы на то, что кажется бессмысленным, а именно на то, что находится где-то, а не там или тут, где это можно увидеть и пощупать.

СОКРАТ. Достаточно того, что у них есть свой демон – так я называл внутренний голос. Если бы для них все было ясно, все черным по белому, тогда вся игра не имела бы для них смысла – и ничего бы у нас не получилось.

МАТЬ (наклоняясь над Францем). Сынок, тебе плохо?

ФРАНЦ (сам с собой). Мама, мама! Что со мной? Что происходит? (Медленно.) Это – смерть?

МАТЬ. Я не знаю. А если бы и знала – я не должна говорить.

КАРЛ. Жди спокойно, Францик. Мы возле тебя, не бойся.

ФРАНЦ. Карл, был бы я уже возле тебя.

КАРЛ. Францик, я возле тебя.

МАТЬ. Он тебя не слышит. Он нас не слышит – ты этого еще не понял?

КАРЛ. Вот это-то меня и мучает.

МАТЬ. Привыкнешь. Это длится недолго.

КАРЛ. Для него – уже недолго.

МАТЬ. И для него тоже. Как только он будет с нами, все остальное станет неважным.

ФРАНЦ. Я умираю? Вот и хорошо! Я всегда боялся этого – теперь я знаю, как это бывает. (Задумчиво.) Я теперь ближе – ко всему. К самой сути...

СПИНОЗА. Он умирает, господин профессор?

КАНТ. Надо узнать.

СОКРАТ. Мне кажется, что этот, рядом (показывает на Эрнста), – уже. Вы не думаете, господин профессор?

КАНТ. Что мы знаем?

ФРАНЦ. Или это не смерть? Может быть, я еще могу надеяться? Я еще завершу мою работу, мою большую неоконченную работу, мою пьесу? (*Грустно.*) Которую я всегда хотел написать. Рукопись пропала, выброшена там, в душевой Бухенау... Мама, Карл, вы знаете, как это случилось? Знаете?

Нет, наверно, у меня уже нет надежды закончить ее. (*С болью, с усилием.*) Ничего не останется после меня, ни клочка! Завтра я, наверно, превращусь в ничто, исчезну, как ты, Карл, сегодня, и, наверно, мама...

КАРЛ. Мама, ты можешь его успокоить, утешить?

МАТЬ. Но как? Он же нас не видит, не слышит. Никто не понимает наших мыслей. Подумай, где мы... Они до конца должны пройти свой путь, каждый – сам, в одиночку. Вот к чему все сводится – самому найти себя.

КАРЛ. И это то, что мы называли жизнью?

МАТЬ. Да, теперь мы это понимаем.

ФРАНЦ. Но я хочу быть смелым – один раз в жизни, этот единственный раз! Я сказал – в жизни? Нет, я имею в виду в смерти. Да! Мама... Карл... Господи! Я хочу быть смелым! Я хочу – и буду. Так! Я отказываюсь, отрекаюсь завершать мою пьесу!

СПИНОЗА. Вы слышали – он отказывается завершать эту вещь!

СОКРАТ. И обретает этим завершением самого себя...

КАНТ. Увидишь, Барух, это так!

ФРАНЦ. А он – вот этот, который рядом, – он пусть не умирает. Это я должен умереть! (*Громко.*) Пауль?

ПАУЛЬ. Да, что? Что такое, Франц?

ФРАНЦ. Иди-ка сюда. Что там с тем, рядом? Ему лучше?

ПАУЛЬ. Да. Как ты заметил это со своих нар?

ФРАНЦ. Сам не знаю как. Вот увидишь, он переживет!

ПАУЛЬ. Может быть, похоже на то. А ты-то как? Тебе тоже лучше, Франц?

ФРАНЦ. И да, и нет – как посмотреть.

ПАУЛЬ. Бодришь! Как-нибудь продержимся до завтра, а завтра будет суп, хороший, горяченький суп, может, еще и картофеля попадется...

ФРАНЦ. Может быть... может быть и ничего... Может быть, вообще ничего...

ПАУЛЬ (*насмешливо*). Что, снова голодный бред, как я погляжу?

ФРАНЦ. Оставь меня!

Пауль подходит к Эрнсту.

ФРАНЦ. Ничего – совсем ничего! Таков, значит, человек. И таков я. И все-таки (*распрямляется*) человек есть что-то! И я тоже, наверно. И это что-то трепещет, парит, мелькает, его невозможно понять, ухватить. Но надо действительно это сделать, надо это неуловимое воплотить, осуществить... В жизни, в смерти... Господи, позволь мне умереть! Я готов, я смогу воплотить!

ФРИЦ (*подошел к Францу, стоит над ним*). Что это он так притих, этот Франц? Ни слова не говорит. А ведь он у нас самый разговорчивый – все болтает, все философствует.

ПАУЛЬ. Отойди, дурак! Ему плохо!

ФРАНЦ. Мне хорошо! О, как мне хорошо! Я близок к самой сути, к тебе, мама! К тебе, Карл! И – к истине! (*В экстазе.*) И – к завершению той пьесы, которая называется жизнь!

Господи, ты знаешь – я близок к этому. Так помоги мне еще, чтобы я приобщился. Не его возьми – меня! Я хочу к тебе. Возьми меня к себе, туда! Возьми меня вместо него, я пойду вместо него. Я хочу быть с ними, с матерью, с Карлом – с Тобой! Возьми меня, прими меня, Господи! Ты ведь знаешь – это так – я отказываюсь, отказываюсь от своей пьесы, и ее окончания. Теперь я так близок к сути, близок к Тебе, и я знаю, что этот осколок моей жизни станет целым, когда я ее отдам. Возьми мою жизнь, прими как жертву, плату за других, за них, за этого вот! Я знаю, он хочет жить, и его молодая жена там, дома, тоже хочет, чтобы он жил. А я отрекаюсь теперь уже вправду, Ты знаешь это, о Небо!

ПАУЛЬ (*склоняясь к Эрнсту*). Эрнст, что с тобой? Ну же, пошевелись!

ФРИЦ. Да никогда он уже не пошевелится, не видишь, дурень? Он уже концы отдал.

ПАУЛЬ. Да, видно так. Эй, Гейнц, Густав! Идите сюда, возьмите покойника и вытащите его за дверь, здесь и так дышать нечем. (*Тихо.*) И возьмите, что там у него есть в карманах. Куртка тоже не самая плохая, твоя, Густль, хуже. Поменяйтесь куртками. (*Труп, волоча по полу, вытаскивают за дверь и оставляют на земле возле барака. Пауль возвращается к Францу.*)

ФРАНЦ. Что – он умер? Господи!

ПАУЛЬ. А ты как?

ФРАНЦ. Это что же – ничего не получилось?

ПАУЛЬ (*качая головой*). Снова бред.

ФРАНЦ. Небеса не согласились...

ПАУЛЬ. Ну что ты опять там фантазируешь?

ФРАНЦ. Он не принял мою жизнь, мою жертву. Я слишком дрянной, я недостойн!

МАТЬ. Не говори так, Францик!

ФРАНЦ. Карл был достойнее.

КАРЛ. Мы ждем тебя.

МАТЬ (*Карлу*). Я пойду еще раз попытаюсь.

КАНТ. Этого вы не должны делать, сударыня.

СПИНОЗА. А почему бы ей еще раз не подать заявление?

СОКРАТ. Вы не понимаете. Она не должна этого делать и все!

КАРЛ. На этот раз я сам буду жаловаться.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ (*появляется справа*). Я тоже думал, что должен забрать его, но в последний момент было решено иначе.

КАРЛ. Я не могу заявить?

АНГЕЛ. Нет, слишком поздно.

КАРЛ (*просяще*). Но нам бы так хотелось, чтобы он был с нами!

АНГЕЛ. Оставайтесь вы с ним!

МАТЬ (*покорно*). Идем, Карл. Мы останемся возле него – пока это нужно...

АНГЕЛ. Теперь этот придет со мной. (*Указывает на дверь барака.*) Однако так не годится.

(*Уходит направо.*)

УНТЕРШАРФЮРЕР (*появившись слева, с руганью врывается в барак*). Кто тут швыряет мертвецов перед дверью? Староста блока!

ПАУЛЬ. Здесь, господин унтершарфюрер!

УНТЕРШАРФЮРЕР. Убрать этот вонючий труп, бросить его хоть в мусорную яму, но здесь не оставлять!

ПАУЛЬ (*извиняющимся тоном*). Наши люди так ослабели...

УНТЕРШАРФЮРЕР. Я тебе покажу ослабели! (*Ударяет его по лицу.*) Так лучше? Ты, собака паршивая!

Трое заключенных волокут труп за барак. Унтершарфюрер уходит.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ (*приходит справа*). Вот такие дела! Мучить людей – и больше ничего! Но Карл – тот был просто прекрасен. Не сдался!

КАНТ. Подойдите сюда, Карл.

КАРЛ. Я здесь, господа.

КАНТ. Вы знаете этого господина?

КАРЛ. Откуда...

АНГЕЛ. Я – тот человек, который должен был Вас истязать, который Вас убил.

КАРЛ (*безучастно*). Вот как...

МАТЬ. Карл, поблагодари этого господина, он ведь хотел тебе добра и делал все это по высшему поручению, он привел тебя ко мне!

КАРЛ (*кланяясь*). Благодарю вас, сударь.

АНГЕЛ. Меня? Вы же слышали: по поручению...

КАРЛ. И все-таки... Но, право, забавно: если бы тогда мне сказали...

СОКРАТ. Да? То-то бы вы удивились!

СПИНОЗА. Так людей можно только запутать.

КАНТ. Они со временем сами к этому придут, ко всему...

АНГЕЛ. Со временем? С вечностью!

МАТЬ. Я и сейчас еще слишком глупа, чтобы все это понять.

КАНТ. Мы все еще не готовы, сударыня, мы все. Мы еще только играем...

МАТЬ. Если бы все уже были со мной. Хотя бы мальчишки...

КАРЛ. Пойдем, мама. Поможем Францу.

АНГЕЛ. Помочь вы не можете. Пока вы должны только побыть с ним.

МАТЬ. Я вам все-таки так благодарна – уже за то...

АНГЕЛ. Утешьтесь! Он нужен нам еще ненадолго – там...

МАТЬ. Где же?

АНГЕЛ. Здесь.

КАРЛ. Что он имеет в виду?

КАНТ. На сцене.

АНГЕЛ. В жизни.

ФРАНЦ. Зачем?! Зачем я должен дальше жить – теперь?

СПИНОЗА (*Ангелу*). Можно объяснить ему это?

АНГЕЛ. Он должен сам прийти к этому, иначе ему не поможет.

ФРАНЦ. И это – милость? Милостью была бы смерть! Но снова жить? Зачем, зачем я пережил эту смерть?

АНГЕЛ. Не беспокойте его, он еще все поймет.

КАРЛ. Но объясните это по крайней мере нам.

АНГЕЛ. Спросите этих господ.

КАНТ. Он нам нужен еще на минутку.

МАТЬ. Но зачем, господа?

СОКРАТ. Он должен написать свою пьесу – закончить ее и подписать.

КАРЛ. Но ведь он уже прожил свою жизнь до конца – до ее завершения!

СПИНОЗА. Протокол еще не готов.

МАТЬ. О каком протоколе он говорит, Карл?

КАРЛ. Это пьеса, которую мы здесь играем – сейчас, на этой сцене.

МАТЬ. Я не понимаю.

КАРЛ. Я тоже, мама.

СОКРАТ. Они поймут нас позже, когда опустится занавес.

СПИНОЗА. Подождите еще чуть-чуть – скоро все закончится.

ФРАНЦ. Пауль!

ПАУЛЬ. Да, я здесь! Тебе лучше?

ФРАНЦ. Не смейся над тем, что я тебе скажу, но я кое-что понял – и это здорово.

ПАУЛЬ. Что? И что ты понял?

ФРАНЦ. Я все сделаю лучше. Я приговорен – приговорен к жизни.

ПАУЛЬ. Не будь дураком!

ФРАНЦ. Да, уверяю тебя! Я приговорен продолжать эту вонючую жизнь, но (*почти торжественно*) она не должна оставаться вонючей! Я сделаю ее лучше, сделаю плодотворной, я закончу то, что когда-то начал. И я не кончусь до тех пор, пока этого не сделаю. Теперь я уверен!

ПАУЛЬ. Не болтай глупостей.

ФРАНЦ. Я знаю, что говорю, и знаю, что мне делать.

КАРЛ. Он думает о своей пьесе, той, неоконченной, которую ему пришлось выбросить в Бухенау. Тогда я в первый и последний раз видел, как он плачет.

МАТЬ. Бедный мальчик...

КАНТ. Теперь понимаете, что мы тут играем?

МАТЬ. Начинаю понимать.

КАРЛ. Теперь мне все ясно.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ. Так что потерпите пока – вы оба и вы, господа; вы знаете, что вам делать.

КАНТ. Конечно, знаем.

Ангел уходит направо.

СПИНОЗА. Что он имеет в виду?

СОКРАТ. Нам надо уходить.

СПИНОЗА. Почему? Так вдруг?

КАНТ. Мы тут лишние.

СПИНОЗА. Ах, так – *sub specie aeternitatis*, под углом зрения вечности и одновременности, больше уже ничего не будет сыграно?

СОКРАТ. Это вы ухватили – и, конечно, по-латыни.

СПИНОЗА. Ну, не ведите себя так, будто... Я, по крайней мере, писал на двух языках – латинском и иврите, а вы вообще не писали, вы только говорили и только по-гречески.

КАНТ. Не пререкайтесь, господа! Еще раз: мы здесь лишние.

СОКРАТ. Во всяком случае в данный момент.

СПИНОЗА. Ну хорошо, идемте.

КАНТ. Одну минутку – послушайте!

ПАУЛЬ (*Францу*). Ты давай, поспи немного. Я тоже лягу. Хорошо бы переспать этот чертов голод, но боюсь, что снится мне будет опять-таки жратва.

ФРАНЦ. По крайней мере хоть во сне поешь.

Пауль ложится на свои нары.

ФРАНЦ. Мама... Карл... Господи... теперь я один, только с вами! И теперь я обещаю выполнить то поручение, которое я, может быть, лишь воображаю. Но воображение это или нет, станет ясно только в деле, в том, что я сделаю. Увидим...

СПИНОЗА. Он думает о пьесе, которую должен написать?

СОКРАТ. ...И которую мы здесь сыграли – наш протокол.

КАНТ. Мы идем, господа?

СПИНОЗА (*Сократу*). И вы думаете, люди это поймут?

СОКРАТ (*пожимает плечами*). Что могли, мы сделали.

СПИНОЗА. Вот увидите, люди скажут, что все это выдумки.

СОКРАТ. И что?

КАНТ. Все, что люди здесь увидели и услышали, и может быть только представлением. Ведь если бы мы показали им правду как она есть, они остались бы к ней слепы и глухи – поверьте мне, милый Барух!

СПИНОЗА. Придется поверить.

Философы уходят направо.

ФРАНЦ. Придется верить! (*Выпрямляется; остальные спят – тихо или беспокойно ворочаясь во сне.*) Я верю. В себя! В тебя, мама! Мама!

МАТЬ. Да, сынок.

ФРАНЦ. Карл!

КАРЛ. Хорошо, все хорошо, Францик...

ФРАНЦ. Господи!

Тишина. Занавес.